

Лариса Мартынова

Восточно-Казахстанский музей искусств

«ЗАГЛЯНУТЬ В СЕБЯ»

О выставке работ художника Виктора Шмидта

Виктор Шмидт родился 16 марта 1960 года в Семипалатинске. В Семипалатинском Государственном пединституте им. Крупской получил высшее художественное образование. Начало его творческой деятельности связано с Детской художественной школой города Риддера. В настоящее время В. Шмидт – художник-постановщик в Драматическом театре им. Ф. Достоевского. С 1986 года участвует в казахстанских и международных выставках, имеет дипломы участника арт-фестивалей «Тенгри-Умай» (Алматы, 2002) и «Летающий татарин» (Семей, 2006), проекта «Менің Қазақстаным», посвященного 170-летию Абая (Усть-Каменогорск, 2015), арт-симпозиума «Шелковый путь» (Елабуга, 2015). В рамках программы «Год культуры Казахстана в России» работы Виктора выставались в Новосибирске (2003). Дважды, в 2014 и 2015 годах, с его творчеством могли познакомиться жители Омска.

На этой выставке нет картин классических жанров. Внимательный зритель найдёт в композициях Виктора Шмидта только элементы пейзажа, портрета, сюжетной картины и анималистики. Художник говорит с нами языком авангарда, который можно сравнить с некогда популярным эсперанто.

Выставка «Заглянуть в себя» предлагает зрителю формы и образы, которые не читаются конкретно и однозначно. Наверное, музыка и поэзия родственны его картинам более, чем пластика других художников. Автор сам понимает это. На вернисаже были философы, литераторы, музыканты. Иногда он не может объяснить сюжеты своих работ. Утверждает, что для художника очень важно писать пластически самодостаточные вещи, что цветовые и графические символы не всегда нуждаются в интерпретации словесной.

В такой категории необъяснимых – полотно «Деревья, которых нет». Выставка представляет на суд зрителя преимущественно геометрические монохромные композиции. А это сочное пятно апрельской зелени невидимыми магнитами притягивает к себе любого посетителя. Пятьдесят пять работ размещены в двух залах. Наш консервативный зритель, уже слегка подуставший от супрематике и философии, начинает просто радоваться «обычному» (как он думает) пейзажу. Однако, читает название и понимает, что и здесь автор приготовил ему какой-то подвох, очередную загадку, которую надо понять. Эта работа чем-то чрезвычайно важна для нашего художника, он перемещает её из одной экспозиции в другую. Все



что вы видите на выставке выполнено им в 2014-2016 годах. Она – единственная из предыдущей персональной экспозиции 2007 года. Сильнейшая энергетика её аккумулируется в контрасте зеленого и красного. Но красного очень немного – маленький зонтик в первозданной райской зелени. Прозрачные кроны деревьев, пейзаж реальный и нереальный, легкая полевая дорога, которая ведет твой взгляд к горизонту. Как небольшая подсказка от автора – само название выставки – «Заглянуть в себя». Кто осмелится сделать это честно и всерьёз? Кто не побоится оформить и выставить на всеобщее обозрение то, что близкому человеку не всегда расскажешь? Какие деревья выращиваешь ты в мечтах? Вот уже целая аллея. А потом приходит осознание, что ничего нет. Утеряна какая-то важная доминанта. Без неё пейзаж теряет смысл. Остаются только мелочи, воспоминания, антураж, зонтики-аксессуары.

Выставка эта, как никакая другая, требует от зрителя тишины, сосредоточенности и сопереживания, поскольку он (зритель) облечен здесь высшей степенью доверия и возведен в ранг соавтора. Концептуализм Виктора Шмидта ненавязчив. Его чёрные квадраты и прямоугольники служат не фоном для агрессивного и экспрессивного эпатажа. Они – как видение космоса, абсолютного покоя и тишины, призваны утихомирить наше сознание до состояния почти медитативного.

Бархатная тьма поглощает суету, мелочи, весь мусор бытия. Автор не мельтешит. Живописные формы в его картинах стилизованы и упрощены до минимализма. Каждая композиция «дышит». В каждом формате – свободное пространство, обработанное автором различными способами так, что пустота становится осязаемой через рельеф, контрасты матовых и блестящих поверхностей. Мастихин, пластичная паста, быстротвердеющий акрил, кисть, даже расчёска с мелкими зубчиками – всё идет в дело. Иногда поверх плоскости холста создаётся поверхность второго уровня. Для этого художник использует аппликацию из толстого картона или грубой мешковины. Несмотря на такую смешанную технику и пристрастие к четким графическим формам, сам Виктор определяет свои произведения исключительно как «Живопись», может быть потому, что для него, как и для великого Каземира: «Краска – есть то, чем живет живописец», и «Всякий рельеф, превращенный в плоскость, есть живопись».

Авангардом сегодня никого не удивишь. Усть-Каменогорск пережил эпоху авангарда в конце девяностых. В то время сформировалась группа талантливых художников, среди которых были Юрий Негодаев, Эдуард Гольман, Владимир Ляпунов, Роман Бобровский. Судьбы их сложились по-разному. Кто-то «ушел» в реализм, кто-то стал всемирно знаменитым и покинул Восточный Казахстан. Так или иначе, но изобразительное искусство в нашем городе в настоящее время – царство реалистической школы и художников, работающих, как Виктор Шмидт, у нас просто нет. Наши посетители воспитаны на классической перспективе, которая помогает сознанию построить объёмный мир на плоскости. Поэтому вдвойне отраднo, что недоумение и удивление посетителей возле первых работ в конце экспозиции заменяются азартным желанием понять, разгадать логику автора.

Границы дозволенного в рамках современного искусства напрочь сметены. После Первой Мировой художники, как врачи, ставят человечеству неутешительный диагноз разрушения сознания. «Крик» Эдуарда Мунка, прозвучавший на рубеже XIX и XX вв. с каждым годом звучит все отчаяннее и громче. Срывается на хрип. Этика и эстетика вместе с лирикой уже не актуальны. Эпатаж становится

главной движущей силой в искусстве. Очень искренние тексты Малевича в своей энергетике отрицания звучат как самые опасные пророчества. Прочитайте его «искусствоведческую» статью, которая называется «Человек – самое опасное в природе явление». Супрематические проклятия академическому искусству выдают самую суть нервной предреволюционной эпохи, которая стала почвой для русского авангарда.

Виктор Шмидт убегает от реальности совсем по другому поводу. Да и творчество его по природе своей чуждо чистой беспредметной абстракции. Его искусство с точностью до «наоборот» выстроено на эмоциях и символах. Ему близка и понятна символика христианства. Деревянный занозистый крест Голгофы, гвозди, вбитые в тело Спасителя, написаны им многократно с чувством, вызывающим тактильный озноб по коже («Гвоздь», «Найти себя»). Для Малевича сам по себе «Квадрат живой, царственный младенец». У Шмидта круг – это красный мяч, белая или голубая луна, распил круглого ствола, зелёный огонёк светофора. Прямоугольник – бревно, полено, кирпич. Трапеция – чаша, черные очки и т.д.

Малевич призывал оставить любовь, эстетику и «чемоданы мудрости». Шмидт, как воспоминание о несостоявшейся любви, переносит свои «Деревья» и красный зонтик из одной экспозиции в другую. Чтобы разгадать символы, которыми он играет, не обойтись и без вышеупомянутых чемоданов. Ассоциации, возникающие в сознании от шмидтовского минимализма обращают нас то к мифологии Древнего Египта (композиция «Путешествие» с красной фигуркой на красной лодочке), то к текстам дзен-буддийских мастеров. По словам художника философия дзен – его давнишнее увлечение.

Взгляните на композицию «Птица». Она – как иллюстрация к хокку знаменитого средневекового поэта Басё, который обозначил принцип «ваби» в эстетике японского искусства.

На голой ветке

Ворон сидит одиноко.

Осенний вечер.

Непереводимое это слово означает изысканную простоту, минимализм в выборе изобразительных средств. Виктор Шмидт следует «ваби», как никто из наших художников. Наш автор в стремлении к простоте превзошёл всех японцев, потому что в его картине нет ни ветки, ни осени, ни облаков, ни луны – всего того, что обозначает мир птицы. Полоски фактурной мешковины поверху гладкой основы холста создают второй уровень белой плоскости. В очертаниях её можно разглядеть всё тот же невидимый крест. А образ птицы решен в мягкой иронической тональности. Этот ворон – не зловещий посланец из потустороннего мира, но именно воронёнок, детёныш, детская душа, начало новой жизни в другом пространстве. Как нигде понимаешь, inferнальность такой птички. Она существует только «в тебе», если сумеешь заглянуть «в себя».

Уже в середине экспозиции внимательный, несуетливый и неагрессивный ко всему необычному зритель привыкает к «дзен-буддийской» неожиданной логике автора и начинает самостоятельно «читать» эту живопись. Некоторые работы расшифровываются очень легко благодаря устойчивым словесным историческим и литературным ассоциациям. Вот картина «Умывание». Колорит её выдержан на нюансах пастельных охристых, кофейных оттенков. В работе сильно графическое начало. В центре формата тонкой черной линией выделен силуэт, который

с первого взгляда читается, как «Джин-дух из бутылки». Таким образом, автор подсказывает, что речь идет не столько об умывании лица, скорее – духовном очищении. В нашей обыденной жизни не принято выходить из дома неумытым, но, к сожалению, многие из нас утратили традицию «духовного умывания», существующую в исламе и христианстве. Утро не начинается без молитвы. Такой вот плакат.

Говорят, что от много мудрости – много печали. Картина, названная автором «Зеркало», претендует на титул самой грустной в экспозиции.

При этом, есть в ней нечто автопортретное. Не рама зеркала, но багет обрамляет печальное, искажённое страданием лицо человека. Отдадим дань смелости автору. Не каждый имеет мужество столь наглядно представить образ мучительных сомнений, которые буквально корёжат душу. Вместе с тем, образ этот имеет достаточно обобщающий характер. В нем каждый может узнать и себя.

Картины «Дерево», «Пень» несут в себе память о древнем язычестве. А, может быть, об открытиях современных ученых? В каждом стволе дерева наши предки видели живую душу. Кто там? Леший выглядывает из-под коры? Биологи доказали, что живые процессы продолжаются и в стволе срубленного дерева. А для строителей рекомендовали строить дом из деревьев, рубленных на заре, потому, что вечерний сруб вызывает чувство усталости и сонной заторможенности. Годовые кольца в сечении любого пня расскажут, какими – благоприятными или засушливыми – были предыдущие годы. Недаром белое поперечное сечение пня и контур луны в композиции Виктора Шмидта совпадают, как отражение. Пень – воплощение лунной жизни на земле. Все духовное, (небесное) принимает различные образы в нижнем земном растительном и человеческом мире.

На выставке представлена целая серия работ, воплощающих в пластике понятие свободы («Полет», «Король», «Белые птицы» и др.). Типичные образы для Виктора в этой серии – крылья, руки-крылья, руки – ловцы птиц и птицы-символы. Все изображения очень стилизованы. Простота и минимализм, отсутствие лишних деталей, лаконизм, доведенный до аскезы в выборе художественных средств, когда в каждой работе – только плоскость, только чистый контрастный цвет, никаких полутеней. Удивительно, что каждая из птичек имеет свою легко читаемую историю и характер. Взгляните на красную птицу, которая мнит себя королём. («Король»). Она вызывает чувство иронии. Тонкие ножки, смешные квадратные крылышки. Она на земле, а не в полете, и корона-то у неё бумажная – кораблик, сделанный из газеты. Это единственное полотно, в котором обозначены земля и небо. Но любимый автором пастозный и рельефный мрак пересекается не привычной линией горизонта, а тоненькой белой ломаной линией, которая понадобилось для того, чтобы красные равносторонние треугольнички-зёрна превратились в символы небесной (духовной) и земной (плотской) пищи...

Особая привлекательность и прелесть этих работ в том, что грань, разделяющая иронию и нечто серьёзное, философское – просто отсутствует. Иногда кажется, что автор позволяет себе посмеяться над зрителем, даже и покуражиться над ним. Прикормленный, прирученный к философской серьезности, посетитель внезапно оказывается перед сюжетом, где ничего этого нет. Вот картина, которую невозможно назвать натюрмортом, хотя на этикетке значится «Подстаканники». Подстаканники, (3 штуки) действительно есть. Они вполне узнаваемы. Кажется даже серебряные. Но кроме них нет ничего, даже философии. Нет интерьера, нет

поверхности стола, нет гравитации, ведь они просто летают в какой-то серой, замечательно рельефной среде. Здесь нет даже композиции в привычном понимании этого слова. Вспомним, что законы её – нечто святое даже для супрематистов. И все их прямоугольники совершенно продуманно располагались в пространстве формата и прикрывали друг друга, как надо. У Виктора два подстаканника незойливо поставлены в ряд, а другой болтается где-то выше. Все они недопустимо одинаковы и по форме и по цвету (т.е. и доминанты нет в этой антикомпозиции). А что есть? Попробуй, догадайся, зачем понадобилось Виктору столь эпатажное нарушение всех и всяческих правил. Ведь и символов нет. Может быть, это нечто-ничто, которое Малевич пытался выразить черным квадратом, а наш художник пишет подстаканниками? А что? Подстаканник, как изобразительное художественное средство – такого ведь действительно еще не было в мировом изобразительном искусстве.

На этой же стене – еще одна работа, написанная с тонким чувством юмора. Наблюдая реакцию зрителей, начинаешь ценить то, что немного фривольный смысл её открывается не всем, и не сразу. Работа называется «Двое». Чтобы понять, в данном случае, необходимо сначала читать название. Квадрат нежной лазури, разбавленной белилами, подсвеченный золотистым сиянием, изображает пространство «Вода-Небо» (как всегда без линии горизонта, которую Шмидт, как Малевич, навсегда уничтожил в своих картинах). Очень лаконично (восхитительно скупое и четко) обозначает художник смысл-сюжет-интригу произведения. Контур тента-грибка – серый равносторонний треугольник на палочке-линии и четыре прямоугольные трапеции, которые расположены попарно под тентом. Они напоминают контур черных очков, столь необходимых на пляже, а также очертания самой необходимой одежды, которая символизирует нашу принадлежность к цивилизованному миру. Тишина и покой, море и небо возвращают нас к утраченной первобытности, первозданному раю. Возле этого лазурного квадрата каждому – свое. Кому-то «Ангелы и оливы, которым кутаться равно не пристало ни облаками, ни одеждой», кому-то – философские обобщения о времени, которое «подобно пенному валу, укрывает бережно земное лежбище».

Некоторые образы повторяются у художника многократно. Помимо упомянутых выше рук-птиц-крыльев, есть ещё шахматы – образ человеческого сообщества с его сложными социальными отношениями. Пиала-чаша-казан может быть Чашей жизни, Чашей Грааля или евхаристии. В композиции «Чашка» на фактурной черной поверхности совсем мало предметов. Две чашки (одна из них – опрокинута), и красная штриховая линия слева, напоминающая разделительную полосу. Вот все, что дает автор. Остальное зритель должен домыслить сам. Несомненно, что эта картина предполагает уже некоторую устоявшуюся степень доверия между участниками художественного процесса, который не заканчивается как у реалиста в мастерской, но инвариантно происходит прямо здесь, на выставке. Мы всегда перед выбором. Всегда есть граница, разделяющая противоположные потоки движения, добро и зло, жизнь и смерть. Эти субстанции многомерны и вечны. В нашем распоряжении лишь небольшая чаша наших возможностей, клочок пространства-времени-жизни, внутри которых нам позволено быть активными, что-то менять в общей дислокации сил и энергий. Таинство причастия с красным вином-кровью, мучительное «Пить или не пить?», гамлетовское «Быть или не быть?» – все в этой чаше. Думаящий – да увидит.

В отличие от большинства людей, оформляющих свои мысли в словесной форме, Виктор Шмидт думает цветом и линиями. Вся его выставка смотрится как одно произведение, выполненное в полифонии близких тем, а основная мелодия – внутренний духовный мир человека во всех его проявлениях. Иногда наш художник находит пластическую форму для того, чтобы изобразить самое неуловимое – время, мыслительные процессы, образы подсознания («Крыша», «Красное путешествие»). Душа древнего египтянина плывёт мимо вас на красной лодке в пространстве подземного Нила. Стоит взглянуть на солнце, свечу, яркую лампу, чтобы закрыв глаза, в темноте увидеть эти отблески бога Ра – цветные геометрические и растительные орнаменты, пригвожденные художником к плоскости, вместе с ним почувствовать абсолютный мрак, космический вакуум, в котором только вспышки цвета фиксируют присутствие сознания.

Интересна и многозначительна по смыслу работа «Сосуды». Сначала стоит полюбоваться разнообразной фактурой чёрного, созданной и рельефом и контрастом блестящих и матовых поверхностей. Потом можно вспомнить, что слово «Сосуды» имеет два значения в русском языке. Оба смысла обыграны в данном случае в пластике. Мы видим и посуду – кувшины-сосуды, и контуры сердца, которое питает сосуды кровеносной системы.

Вам нравится «Котик»? Я не знаю, что обозначает эта картина в философском плане. Главное – это образ с определенным свойственным ему характером. Котик милый, лукавый. Это почти что портрет. Наверное, это не котик, а кошка. Вы поймете это, взглянув на ножки этого существа. Постановка, однозначно девчоночья. Опять автор намеренно запутывает нас, смеётся вместе с нами.

В работе «Камень» вы видите плоские булыжники, выложенные в форме сердца. Можете вспомнить утверждение философов древности о том, что камни – тоже живые, а улыбка их просто растянута на века. А дерево туго связанное верёвкой в одноименной завершающей экспозицию работе, прорастёт, несмотря на любые пути и представит вам ещё один символ свободы, которую всем своим творчеством отстаивает этот самобытный и смелый автор.

Любой настоящий (в смысле искренний, мастеровитый) художник подсознательно и наглядно пишет объективную картину своей эпохи. Черные и красные квадраты говорят о том, что не скажет ни психолог, ни экономист, ни, тем более, политик. С этой точки зрения – выставка Виктора Шмидта – портрет не только самого художника, но всех нас, его современников. Если эмоционально она и не блещет золотом и левитановской лазурью, то хорошо уже то, что картины эти о-о-очень умные и очень сердечные. Значит, и мы такие?

А чтобы избавить от греха гордыни и себя и нашего художника, стоит вспомнить слова знаменитого русского философа Ивана Ильина, который в книге «Поющее сердце» пишет: «Есть люди, которые умеют видеть и слышать, чувствовать механику, внутреннюю суть мира. Кто-то выражает это в звуках и пении. Другой рисует. Третий ищет художественно точных слов. Иные лепят или строят. Все их создания больше их самих, ибо они сами служат лишь орудием, лишь голосом для таинственной самосущности мира».

март 2016 г.

